

Мордовцев Даниил Лукич

Прометеево потомство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Прометеево потомство / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2026. –
432 с.

ISBN 978-5-519-97422-6

ISBN 978-5-519-97422-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Въ ясную лунную ночь 2-го мая 1808 года, между разбросанными по склону горы саклями аула Соуксу, любимой резиденціи владѣтелей независимой Абхазіи, по извилистой горной тропѣ шли два путника. Судя по одѣянію, это были абхазцы. Но богатые бешметы и оружіе, сверкавшее при лунномъ свѣтѣ серебромъ и дорогими каменьями, изобличали въ нихъ особъ высокаго званія. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ, судя по сѣдымъ длиннымъ усамъ; однако и стройный, гибкій станъ, и юношеская легкость походки показывали, что сѣдое дитя горъ и дивной южной природы еще незнакомо съ приступами обидной старости. Другой былъ высокій, широкоплечій, съ перетянутой въ рюмочку таліей, молодой человекъ. Позади ихъ, въ почтительномъ отдаленіи, слѣдовали двѣ тѣни. То были ихъ нукеры.

Весенняя южная ночь дышала чудной красотой. Внизу, на гладкой поверхности моря, тянулась широкая серебристая полоса луннаго свѣта и упиралась въ самый берегъ, отъ котораго доносился легкій метрическій говоръ моря, строго-размѣренно набѣгавшаго на пологій берегъ и мелодично шуршавшаго его отполированными гальками. Отъ полуразрушенныхъ каменныхъ стѣнъ древняго монастыря, темнымъ остовомъ высившагося надъ Соуксу и

его сѣрыми саклями, и отъ этихъ саклей, и отъ укрѣпленій спящаго аула, и отъ стройныхъ пирамидальныхъ тополей и иглоподобныхъ кипарисовъ на кладбищѣ аула ложились черныя тѣни, точно ножемъ отрѣзанныя отъ освѣщенныхъ луною горъ, а среди нихъ, то тамъ, то здѣсь, теплились фосфорическимъ блескомъ свѣтящіеся червячки. Съ горъ по временамъ доносился однообразный, какъ бы плачущій, крикъ ночной птицы, да мѣрно журчала черная рѣчка Соуксу, скатываясь къ морю по неровному каменистому ложу.

— Я радъ, что Арсланъ, наконецъ, исправился,—заговорилъ старикъ, прерывая молчаніе.— Хвала Аллаху!

— Да, отецъ, много онъ причинилъ намъ горя своимъ неповиновеніемъ и злобой, — сказалъ въ свою очередь молодой спутникъ.

— Ну, мой милый Баталь, забудемъ старое: пусть оно покроется пепломъ забвенія... Теперь я спокойно могу управлять своимъ народомъ, не боясь нашествія не кубанцевъ, ни турокъ. Въ союзѣ съ Россіей Абхазіи не страшень и самъ падишахъ. Посмотри, какъ храбрые слуги Бѣлаго царя урѣзываютъ полы бешметовъ и въ Турціи, и у Персіи. Я еще помню, когда Крымъ былъ подъ властною пятою падишаха. А теперь Крымъ — баштанъ Бѣлаго царя. Изъ Крыма къ берегамъ нашей дорогой Абхазіи плывутъ корабль за кораблемъ, и уже на мачтахъ у нихъ не полумѣсяцъ треплется на полотнищахъ, а оттуда глядитъ наша горная птица — орелъ, да еще съ двумя головами.

— Да, отецъ: одну отрубишь, другая останется, — улыбнулся тотъ, кого старикъ назвалъ Баталомъ.

— Скоро, пожалуй, и Анапу эта птица заклюеть, —

продолжалъ старикъ. — Да и Поти, думаю, скоро прикроютъ урусы своею шапкой, а то, чего добраго, и нашъ кунакъ, Кучукъ-бей, самъ протянетъ руку за этой шапкой да за желтыми кругляками. Вотъ у падишаха и съ этой стороны будутъ отрѣзаны полы бешмета. А Персія? Развѣ съ Баба-хана, повелителя Ирана, урусы не снимаютъ съ ногъ чувяки? Какъ ни реви его левъ, а съ двухголовой птицей ему не справиться: — она высоко летаетъ и смѣло смотритъ на солнце. А у Бѣлаго царя, говорятъ, и солнце никогда не заходитъ.

— Какъ такъ, отецъ? — удивился Баталь. — Какъ не заходитъ солнце?

— Такъ и не заходитъ, мой милый Баталь: у Бѣлаго царя столько земли, что когда онъ въ Петербургѣ ночью ложится спать, то за Сибирью уже встаетъ солнце, тутъ одни вечерній намазъ творять, а тамъ, другіе — утренній.

— Значитъ, у урусовъ и теперь день?

— У однихъ день, а у другихъ ночь. Теперь одни урусы видятъ мѣсяцъ вотъ этотъ, а другіе — солнце.

— Аллахъ, Аллахъ! — съ удивленіемъ воскликнулъ Баталь.

— Вонъ и Наполеонъ ничего не могъ сдѣлать Бѣлому царю, — продолжалъ старикъ: — пришелъ, постоялъ у порога его сакли, а черезъ порогъ не посмѣлъ переступить, — духголовая птица глаза бы ему выклевала.

Продолжая такимъ образомъ разговаривать, они подошли къ воротамъ укрѣпленія, при входѣ въ которыя стояло двое часовыхъ. При видѣ пришедшихъ, часовые отдали имъ честь и свободно пропустили ихъ въ ворота.

— Арсланъ-бей воротился? — спросилъ старикъ часового.

— Воротился, ваша свѣтлость, — былъ отвѣтъ.

Войдя въ ворота, пришедшіе повернули вправо по направленію къ длинному двухъярусному зданію, обнесенному галереями съ покатыми навѣсами. Колонны, поддерживавшія навѣсы, обвиты были дикимъ виноградомъ, на темныхъ листьяхъ котораго трепеталъ лунный свѣтъ. Въ окнахъ виднѣлись огни.

— Зачѣмъ Арсланъ ѣздилъ въ Сухумъ, отецъ? — спросилъ Баталь.

— Я посылалъ его за княземъ Бежаномъ.

— А развѣ онъ воротился изъ Мингреліи?

— Воротился, когда ты былъ въ Кодорѣ.

— А въ Потіи когда ты поплелъ къ Кучукъ-бею и кого?

— Арслана съ Бежаномъ. Но отчего у нихъ кони не разсѣдланы?

Они подошли къ большому зданію и стали подниматься на галерею.

— Ни одного нукера не видать у дверей! — проворчалъ старикъ. — Куда они пропали? спятъ, что ли?

Онъ отворилъ дверь въ переднюю. Но въ этотъ моментъ изъ комнаты раздался выстрѣлъ, и Баталь, слѣдовавшій за отцомъ, со стономъ повалился на полъ.

— Злодѣи! кто здѣсь? — закричалъ старикъ, выхватывая изъ-за пояса кинжалъ и бросаясь впередъ.

Изъ комнаты послѣдовали четыре выстрѣла почти въ упоръ.

— Это я! — съ искаженнымъ лицомъ выступилъ впередъ худой, загорѣлый абхазецъ съ саблею наголо.

— Арсланъ! сынъ мой!—простоналъ старикъ, хватаясь за сердце.

— Да, это я—сынъ твой—только блудный сынъ! — съ злораднымъ смѣхомъ отвѣчалъ злодѣй.—А вотъ тебѣ сыновній поцѣлуй!

И онъ саблею разсѣкъ черепъ старика-отца до самой переносицы.

— Алла! Алла!—въ предсмертной агоніи бормоталъ старикъ, поражаемый новыми сабельными ударами.

На шумъ и выстрѣлы изъ дальнихъ покоевъ прибѣжали двое юношей, стройныхъ какъ молодыя пальмочки, и остановились на порогѣ съ выраженіемъ ужаса на прелестныхъ лицахъ.

— Отецъ... братъ... о, Аллахъ!—безсвязно бормотали они.

— А! братцы-змѣеныши... любимчики! — со злою улыбочкою посмотрѣлъ на нихъ отцеубійца. — Бей ихъ, Бежанъ! Докончимъ, друзья, и этихъ змѣенышей-мстителей...

— Пусть мстятъ на томъ свѣтѣ, — сказалъ тотъ, кого назвали Бежаномъ, и тутъ же закололъ обоихъ юношей.

— А теперь айда! — сказалъ отцеубійца, вытирая кровавленную саблю о полы отцовскаго бешмета и то-опливо вкладывая въ ножны.

И убійцы—ихъ было всего пять человѣкъ — быстро пустились съ галереи, сѣли на лошадей и спокойно выходили изъ воротъ укрѣпленія мимо часовыхъ, ничего подозрѣвавшихъ и, по обязанности, отдавшихъ честь юдѣямъ.

Еще не замеръ топотъ ихъ лошадей въ отдаленіи,

какъ въ домѣ, въ которомъ совершены были четыре убійства, все поднялось на ноги въ страшномъ смятеніи прислуга, вскочившая со сна, полураздѣтыя женщины дѣти—все бѣжало къ мѣсту убійства.

— Аллахъ, Аллахъ!—что это!—гдѣ убійцы?— кто они?—вопили женщины.

— Арсланъ... братъ... Бежанъ Шервашидзе, —слаб простоналъ Баталь, въ которомъ еще оставались признаки жизни.

II.

Такъ погибъ отъ руки старшаго своего сына, Арсланъ-бея, престарѣлый Келешъ-бекъ, владѣтель независимой Абхазіи, происходившій изъ древняго и знаменитаго рода князей Шервашидзе.

Абхазія — это дщерь той дивной, мифической и исторической Колхиды, именемъ которой полна вся классическая древность. Это — жилище мифической богини Эосъ, откуда каждое утро выѣзжалъ на небо, на своей огненной колесницѣ, лучезарный Геліосъ. Тамъ, по свидѣтельству Гомера, обитала и плѣнительная, «свѣтлокудрая дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Айэта»; тамъ Беллерофонтъ состязался «съ равными по силѣ мужамъ амазонками»; тамъ, по словамъ Гезіода, въ его «*Θεογονίῃ*», «*Θемида* родила Океану богатую водоворотами рѣку Эазисъ» (Ріонъ); тамъ хранились «лучевыя стрѣлы быстрого Геліоса въ золотыхъ покаяхъ» и оттуда «божественный» Язонъ на своемъ быстроходномъ кораблѣ «*Арго*» привезъ «золотое руно», несмотря на всѣ козни Медуи. Тамъ — говоритъ Эсхилъ въ своемъ «*Прометей*» — этого, прикованнаго къ горамъ Кавказа, бога «оплакивали востуженныя, неустрашимыя дѣвы Колхиды и Океаниды», юка Геркулесъ не поразилъ своею стрѣлой орла, Зевова палача, терзавшаго печень бога, похитившаго для мертвыхъ частицу небеснаго огня. Туда, по свидѣтель-

ству Геродота, заходилъ изъ Египта и Рамзесъ-Сезосрисъ со своими полчищами. За этотъ дивный уголокъ земного шара проливали кровь и финикіянне, и египтяне, греки и римляне, войны Митридата и генуэзскіе наемники. Теперь, въ то время, когда начинается наше повѣствованіе, этимъ благодатнымъ уголкомъ Колхиды владѣли потомки первобытныхъ, полумифическихъ коховъ — князья Шервашидзе, прямые, быть можетъ, потомки боговъ — «кознодѣя Айэта» и свѣтлокудрой сестры его, дѣвы Цирцеи. Такимъ, по крайней мѣрѣ, потомкомъ кознодѣя Айэта былъ «кознодѣй» Арсланъ-бей, предельски погубившій своего отца, Келешъ-бека, и трехъ родныхъ братьевъ.

Арсланъ-бей представлялъ собою историческій, можно сказать, коллективный типъ истаго абхазца, и составлялъ гордость своей родины. Это былъ такой отчаянный голворѣзъ, такой необыкновенный джигитъ и наѣздникъ, какіе рѣдко встрѣчаются даже въ самой Абхазіи, не говоря уже о другихъ горскихъ странахъ. По міросозерцанію абхазца — это былъ геній, о которомъ въ сосѣднихъ съ Абхазіею мѣстностяхъ слагались цѣлыя легенды. Рассказывали, что онъ былъ единственнымъ изъ смертныхъ, который одержалъ побѣду въ борьбѣ съ непобѣдимымъ «духомъ горъ». Духъ этотъ является въ видѣ ослѣпительной красоты дѣвушки, которая, — какъ ея прародительница Цирцея, — увлекаетъ въ свои сѣти мужчинъ, губитъ ихъ своими ласками, своею любовью; тѣхъ же, которыхъ она не можетъ побѣдить обаяніемъ своихъ прелестей, эта ненасытная красавица терзаетъ въ клочья. Но только съ Арсланъ-беемъ она ничего не въ состояніи была сдѣлать. Рассказывали, что Арсланъ-бей, возвра-